

УДК 82
ББК 83

ИЗ «МЕМУАРОВ УЧЕНОЙ ДАМЫ».
О ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ В ТАШКЕНТЕ 1975 Г.
(ПРЕДИСЛОВИЕ – ПАПКОВА Е.А.)

© 2018 г. Л.П. Якимова

*Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирск, Россия*

Дата поступления статьи: 24 августа 2017 г.

Дата публикации: 25 марта 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-344-358

Ключевые слова: всесоюзная конференция, инонациональная русская литература, поэтика остранения, национальные литературы Сибири, Ташкент, Самарканд.

Информация об авторе: Людмила Павловна Якимова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

E-mail: MalininaLG@ipgg.sbras.ru

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

FROM THE MEMOIR OF AN ACADEMIC
LADY. ABOUT THE ALL-UNION
ACADEMIC CONFERENCE
IN TASHKENT, 1975
(INTRODUCTION BY ELENA A. PAPKOVA)

© 2018. L.P. Yakimova

*Institute of Philosophy, Siberian Department
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

Received: August 24, 2017

Date of publication: March 25, 2018

Keywords: All-Union conference, Russian literature in languages other than Russian, the poetics of “estrangement,” Siberian national literatures, Tashkent, Samarkand.

Information about the author: Liudmila P. Yakimova, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Philosophy, Siberian Department of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva 8, 630090, Novosibirsk, Russia.

E-mail: MalininaLG@ipgg.sbras.ru

Предисловие

Ученым-филологам, наверное, не нужно представлять Людмилу Павловну Якимову, автора и героиню этих воспоминаний, — главного научного сотрудника Института филологии СО РАН, доктора филологических наук, автора семи монографий по истории русской литературы и более 300 научно-теоретических и литературно-критических статей, посвященных творчеству А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.П. Чехова, Л.М. Леонова, Вс.В. Иванова и других писателей. Над своими мемуарами Л.П. Якимова работает последние годы, большая часть их опубликована в № 4–6 журнала «Сибирские огни» за 2017 г., отдельный фрагмент, с подзаголовком «Из воспоминаний об Академгородке», напечатан в небольшом сборнике «III–IV Литературно-краеведческие Ивановские чтения. 2015–2016. Статьи, материалы, сообщения» (Новосибирск, 2017). Людмила Павловна, урожденная нижегородка, беспредельно благодарная городу, «откуда есть пошла» ее жизненная дорога, предстает в этих мемуарах как человек, очарованный Сибирью, не устающий восхищаться «нестандартностью архитектурного облика сибирских городов, неповторимыми особенностями их культурно-исторической атмосферы, своеобразием их человеческого климата». Представляемая читателю глава этих мемуаров посвящена, однако, не Сибири, а Востоку — поездке в Ташкент на научную конференцию, где произошли значимые для автора встречи, в том числе и с сотрудниками ИМЛИ, научные и личные открытия.

Елена Алексеевна Папкова,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

В плавно текущем десятилетии 70-х из самой середины их память выхватывает несколько главных событий. Одно из них — это летом 1975 г. поездка в Ташкент на Всесоюзную научную конференцию, которая, с одной стороны, в живых красках и звуках, природных картинах и человеческих образах оставила яркий след в общем опыте моих путешествий, ответив моему неутолимому любопытству к жизни других стран и народов, а с другой стороны, сверх моих ожиданий поездка оказалась чрезвычайно важной в плане как стабилизации моих научных интересов, так и определения перспектив научной работы.

Я поехала на эту конференцию на свой страх и риск, не возлагая каких-то особых надежд на участие в ней, а приехав, удивилась ее научно-организационному размаху. Это был настоящий филологический форум, прямо-таки съезд известных литературоведов всего СССР, собравшихся на обсуждение важнейших проблем развития многонациональной литературы страны в свете тех сдвигов, которые происходили в методе социалистического реализма. Для участия в конференции прибыли ученые Азербайджана, Армении, Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Татарстана, Литвы, Калмыкии, Бурятии... Приехала и большая группа москвичей — сотрудников Института мировой литературы АН СССР, членов редколлегии журнала «Вопросы литературы», среди которых хорошо запомнилась строгая и неприступно державшаяся Анна Николаевна Дмитриева, многие годы бывшая бессменным ответственным секретарем «Воплей». И хотя Программа конференции ориентировала на внимание к особенностям социалистического реализма в литературах Востока, уже первые доклады повернули ее в русло обсуждения общетеоретических проблем, и тон задали москвичи. Доклад Г.И. Ломидзе, открывшего конференцию, назывался «Спорные проблемы

теории социалистического реализма», доклад одного из известных в те годы литературоведческих теоретиков Л. Якименко — «Проблемы социалистического реализма», З.С. Кедрина выступила с докладом «Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма». Ее приезд на Ташкентскую конференцию приобретал знаковый смысл. Ей было тогда 70 лет, выглядела она, как мне показалось, старше, воспринималась как патриарх советской многонациональной культуры. Она стояла у истоков критической мысли о творчестве писателей, ставших классиками советской многонациональной литературы и своих национальных литератур — М. Ауэзова, М. Ибрагимова, Ч. Айтматова и др., много сделала для практического и теоретического обоснования советской школы переводчиков с национальных языков. Мы жили в одном гостиничном номере, но сил на общение не оставалось: у одной — из-за обилия почестей и внимания к глубокоуважаемому литературоведу, у другой — из-за переполненности впечатлениями от самого Узбекистана. Встретимся уже близко к ночи в номере, поулыбаемся друг другу и заснем, как убитые, до утра.

Из сибиряков на конференции, кроме меня, был еще Василий Цыренович Найдаков, но тогда мы и с ним были еще не знакомы, и я с любопытством глядялась в лица ее участников, когда однажды во время перерыва с удивлением услышала обращенный ко мне вопрос:

— Так это Вы — Якимова? Я знаю Ваши работы. Моя статья со ссылкой на них только что вышла в «Вопросах литературы». Номер у меня с собой, я Вам его подарю...

Это был Роберт Гатович Бикмухаметов, он много тогда писал о младописьменных и новописьменных литературах России и вел речь о статье «Десять лет спустя», которой я еще в «Вопросах литературы», собираясь на конференцию, увидеть не успела.

— А я по Вашим статьям представлял Вас другой.

— Какой же?

— Ну, солидней, старше что ли. Вроде Зои Сергеевны... А Вы такая... Вы куда вечером идете?

— Куда пригласят...

— А примыкайте к нам.

«Ими» оказались как раз сотрудники ИМЛИ и «Воплей», и это послужило началом многолетнего сотрудничества, в разной степени интенсивности проявлявшегося в многообразии научных контактов. Вспоминаются выездные

сессии ИМЛИ в Якутск и Улан-Удэ, общая работа на заседаниях Ученых советов, связанных с обсуждением и защитой диссертаций... Теперь, приезжая в Москву, чаще всего по делам продвижения двухтомных «Очерков русской литературы Сибири» в печать, я уже не могла не нанести дружеского и профессионального визита в Отдел литературы народов СССР, а иногда и в редакцию «Вопросов литературы».

Мой доклад на Ташкентской конференции назывался «Об одном малоизученном аспекте интернационализма советской литературы», и интерес к нему был закономерен во многих отношениях. Русскоязычное литературоведение Сибири я представляла одна, при этом, что значило немало, я была из Академгородка, Сибирь же тех лет с ее мощным рывком индустриального развития в глазах всей страны предстала как форпост социализма, что естественным образом сопровождалось и ее культурными успехами, весьма заметными как в русской, так и национальных литературах.

Еще работая в авторском коллективе «Истории Сибири» под руководством А.П. Окладникова, я обратила внимание на широкий круг русских писателей, сосредоточивших свой творческий интерес на изображении текущей жизни и исторических судеб других народов Сибири, т. е. на инонациональной теме русской литературы, ее глубинном интернационализме.

С течением времени у этой темы отчетливо выявился особый ракурс, связанный с пристальным вниманием к тем народам, которые до Октября сохраняли общинно-родовой строй и своей письменности не создали. И если такие сибирские народы, как якуты, буряты, хакасы, тувинцы и алтайцы, письменностью располагавшие, вошли в новую жизнь с привившимися уже в разной степени ростками национальной литературы, то миссию определить в мире культурно-историческую роль таких народов, как чукчи, ненцы, нивхи, удэге, нанайцы, эвены, эвенки, юкагиры и др. взял на себя русский писатель, равно как на другом континенте эту миссию рассказать читателю о жизни эскимосов взяли на себя американец Рокуэлл Кент и канадец Фарли Моуэтт.

И так продолжалось до тех пор, пока в культурном пространстве этих народов не родился свой национальный писатель — Владимир Санги у нивхов, Григорий Ходжер у нанайцев, Юрий Рытхэу у чукчей... Именно тогда возникла необходимость в появлении новой терминологии, обеспечившей различение младописьменных, как якутская, и новописьменных, как нивхская, литератур. Пока шел процесс оформления младописьменных и новописьменных литератур,

в русской литературе возник мощный отряд писателей, сосредоточивших исключительное внимание на изображении жизни многочисленных народов страны, населяющих бескрайние побережья Северного Ледовитого океана до Дальнего Востока, Приамурья, Якутии, Хакасии, Тувы, Горного Алтая... Взгляд русского писателя проник в лопарскую хоту, юкагирскую урасу, ненецкий чум, чукотскую ярангу, алтайский аил: русская литература за короткое время невиданно обогатилась живописанием исторических судеб многочисленных, ранее неизвестных миру народов России, их истории, образа жизни, обычаев, психологии. Это был в истории российской литературы период, когда одновременно щедрую дань инонациональной теме отдали В. Арсеньев, М. Задорнов, Т. Семушкин, А. Коптелов, К. Урманов, А. Сорокин, М. Ошаров, Р. Фраерман, Г. Гор, И. Кратт. Незаконченным романом «Последний из удэге» откликнулся на актуальную тему А. Фадеев.

Тема жизни и исторических судеб народов, сразу чуть ли не из первобытного бытия — общинно-родового строя — шагнувших в не виданную ранее реальность, оказавшихся в мире осуществления нового социального проекта — строительства социализма с прицелом на коммунизм, таила огромный смысловой и эстетический потенциал, оказалась необычно продуктивной для писателей и притягательной для читателей. За горячим материалом в Сибирь буквально хлынула лавина литераторов разного творческого профиля — журналистов, прозаиков, очеркистов. Особенно притягательна была высказанная Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» мысль о перекликающейся через столетия близости многих социально-этических норм первобытно-общинного строя и социалистического общества.

Обращаясь к инонациональной проблематике, русский писатель стремился испытать ее в разнообразии жизненных ракурсов, расширяя диапазон эмоционально-смысловых и эстетических ощущений читателя. Так в целом ряде своих повестей — «Ланжеро» (1937), «Неси меня, река» (1938), «Синее озеро» (1939), «Юноша с далекой реки» (1953) и многих рассказов — Г. Гор как бы переворачивает типичную для произведений на инонациональную тему ситуацию, изображая не представителя цивилизованного мира в окружении детей природы, а именно представителя нетронутой цивилизацией среды погружая в мир современной культуры, и она предстает в виденье человека, абсолютно не искушенного в ее ценностях, наделенного особой остротой, свежестью и непосредственностью восприятия жизни, того наивного изумления и первозданного взгляда на нее, какой характерен, например, для юного Нота Чевыркайна, из

повести «Юноша с далекой реки», приехавшего в Ленинградский Институт народов Севера из таежного нивхского стойбища, предоставляя и читателю видеть окружающий мир как бы заново, в фокусе широко развернутой поэтической фигуры остранения.

В этого рода произведениях русский писатель обращается к нетронутым залежам фольклора народов Сибири, богатствам этнографического колорита их жизни — изображению характера социальных и семейных отношений, особенностей труда и быта, жилищного устройства, национальной педагогики, разнообразия верований, особенностей бытовых, трудовых, религиозных ритуалов, привлекая читателя новизной впечатлений от многообразия форм человеческой жизни.

Примечательно, что инонациональный слой русской литературы отмечен ярко выраженным авторским стремлением расширить пространство символического звучания образной системы, что находит отчетливое отражение в названиях произведений: «Великое кочевье» — роман А. Коптелова о крутой перемене исторического курса алтайского народа в 30-е годы; роман М. Ошарова «Большой аргиш» (1936) о тяжелых испытаниях эвенков в годину исторического перелома, связанного с проникновением буржуазных отношений в сибирскую таежную глушь; «Последний из удэге» (1929–1941) А. Фадеева, «Последний костер» (1968 и 1981) Г. Федосеева, «Дерсу Узала» В. Арсеньева — все они так или иначе в разной степени полнятся той атмосферой интертекстуальности, которая восходит к обширному массиву произведений зарубежной литературы типа «Последний из могикиан» Фенимора Купера, озабоченных судьбой народов (индейцы, эскимосы и др.), попавших под пресс цивилизации.

Несомненное своеобразие и неповторимость поэтики произведений на инонациональную тему, создавая отдельное идейно-тематическое, образно-мотивное и жанровое пространство советской литературы, обретает благодаря широкому использованию их авторами принципов теории остранения, исходившей из требований художественного живописания предметов, явлений, обстоятельств как впервые увиденных, или, как говорил В. Шкловский, «вывода вещи из автоматизма восприятия».

Во многом благодаря притягательной силе поэтического мира произведений на инонациональную тему, обнажающих нетленные залежи фольклорного и этнографического материала, а равно сохраняющих эффект искреннего изумления человека перед таинством бытия разных народов, читательский интерес к ним

не иссякает и по сию пору. По-прежнему с интересом читается и «Дерсу Узала» В. Арсеньева, и «Чукотка» Т. Семушкина, и «Последний костер» Г. Федосеева. Не исчерпана ни идейно-тематическая, ни эстетическая продуктивность инационального жанра, свидетельством чего служит, например, появление на страницах «Сибирских огней» новой повести Г. Прашкевича «Хромой пастух» (2017, № 6), воспроизводящей жизнь юкагиров на заре колонизации Сибири русскими, убеждая в эффективности характерной для такого рода произведений поэтики острашения.

И если, обращаясь к 30–40–50-м годам, учесть, что наряду с русскими писателями, изображающими жизнь сибирских народов, и среди национальных писателей появились пишущие на русском языке, то разобраться в этом сложном культурно-литературном субстрате оказалось не просто, что и вызвало появление новых литературоведческих дефиниций. Я просекала этот богатый литературный пласт в разных направлениях: и в академических изданиях «Известия СО АН СССР», «Наука в СССР», и в журналах «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Енисей» появлялись мои статьи и на инациональную тему, т. е. о творчестве А. Коптелова, М. Ошарова, А. Сорокина, К. Урманова и т. д., обращенном к изображению жизни алтайцев, казахов, эвенков и др., и о первом национальном романе в алтайской («Арина» Л. Кокышева), тувинской («Слово арата» С. Тока), нанайской («Амур широкий» Г. Ходжера) литературах, и в аспекте сопоставления творчества советских и зарубежных писателей, писавших о народах, шагнувших в цивилизацию прямо из родового строя. Именно об этом была моя статья «“Чукотка” Тихона Семушкина и “Саламина” Рокуэлла Кента».

Итогом перманентного, начиная со времени работы в Горном Алтае, моего интереса к этой действительно мало изученной проблеме русской литературы явилась монография «Многонациональная Сибирь в русской советской литературе» (1982), вышедшая в один год с коллективным трудом сибирских филологов «Очерки русской литературы Сибири» в двух томах. Важно отметить, что даже из числа близких коллег, непосредственно работавших над осуществлением проекта «Очерков русской литературы Сибири», не все понимали смысл моих «отвлечений» в сторону инациональной проблематики и проблем становления национальных литератур Сибири. Как непосредственный руководитель проекта, Ю.С. Постнов склонен был даже, не без оттенка ревности, усматривать в этих моих статьях такого рода работу, на которую затрачивается время в ущерб интересов двухтомника. С похожей позицией столкнулась и при подготовке к печати

сборника статей, сопутствующих двухтомнику, когда с подачи редактора, желающего подстраховаться от ошибок, директор издательства «Наука» Омбыш-Кузнецов усомнился в необходимости моей статьи о первых романах в национальных литературах Сибири. По плану подготовки двухтомника к печати я готовила разделы о сибирском очерке, производственном романе, творческом пути отдельных сибирских писателей, но отчетливо видела глубинную связь путей русской литературы Сибири и культуры ее народов. Связь эта, не всегда отчетливо видимая, была органичной, системной, не исключая того, что опыт русских писателей в освещении сибирских реалий послужил своего рода почвой для развития национальных литератур Сибири.

На Ташкентской конференции я обрела всесоюзную трибуну для научной презентации своей концепции, и еще то было важно, что многое осуществилось в личные контакты с людьми, занимающимися одной проблемой. С членами Отдела, возглавляемого Г.И. Ломидзе, сложились отношения научно-производственного взаимопонимания, а в случае с Н.Н. Воробьевой — переросшие в сердечно-теплую дружбу. Междугородний характер дружбы придавал ей особый эмоциональный колорит, и, кстати сказать, все жизненное поведение Нины Николаевны очень выразительно характеризовало межнациональные отношения в стране: среди ее аспирантов были выпускники Грозненского университета и иногда девушки-черкешенки находили гостеприимный кров в ее квартире на Комсомольском проспекте, куда любила приходить и я провести иногда вечер в кругу ее семьи — мамы и мужа.

Не менее важной стороной этой поездки на Ближний Восток была возможность познакомиться с Узбекистаном как одной из пятнадцати республик, входивших в состав СССР, и широта национального гостеприимства такой возможности соответствовала. С 1876 г. Узбекистан входил в состав Российской империи, Ташкент — город хлебный — воспринимался как город российский. В 1966 г. мощное землетрясение превратило его в руины, и в восстановлении разрушенного города приняла участие вся страна. К тому времени, когда там проходила Всесоюзная научная конференция, он производил уже впечатление современного европейского города, и облик Востока придавала ему не архитектура, а природа и люди. Шел конец октября, но здесь царила райская благодать лета: небо сияло нежной глазурью, вдоль улиц, создавая прохладу, журчали арыки, все цвело и благоухало, фруктовый аромат проникал в конференц-зал, в холле которого стоял стол, уставленный вазами с виноградом, чашами с фруктами, сте-

клянными кувшинами с соками. На улицах лица прохожих были приветливы и улыбчивы, я глаз не могла оторвать от прелести молодых узбечек в их длинных, до пят, из струящегося шелка платьях, с их длинными косами, гладко причесанными головками, легкостью и изяществом походки.

В желании побродить по улицам города, взглядываясь в его повседневность, вслушиваясь в музыкальное струение фонтанов, проникая любопытным взором в магазины и мастерские ремесленников, я была не одинока: у меня появился спутник. Это был азербайджанский литературовед А.А. Гаджиев, человек, по-видимому, чиновный, судя по тому, что за нами неотставаемо следовала черная «Волга». Он обратился ко мне с просьбой помочь ему выбрать шелк на платье для жены и какое-нибудь украшение в национальном стиле. О более приятной просьбе в помощи можно было только мечтать, и тут немножко открылся мне мир народных промыслов Узбекистана: малый бизнес здесь не преследовался, с частной собственностью так строго, как у нас в России, не боролись, и мастерские чеканщиков, ювелиров, ковровщиков, шитья золотом, гончаров, ткачей и т. д. работали бойко, и торговля сувенирами шла споро. Я заметила, что филологи национальных республик материально более, чем мы, обеспечены, в распоряжении денежными средствами более свободны. На свои средства я могла купить здесь лишь хорошенький керамический кувшинчик, а набор кобальтового цвета пиалок, расписанных в национальный орнамент, нам с З.С. Кедринной принесли в номер гостиницы. Такой подарок сделали всем участникам конференции.

О благосостоянии национальной интеллигенции можно было судить по пышности тех дастарханов, которые накрывались для нас в домах хозяев. Главным вниманием окружены были, разумеется, москвичи, и на меня, как нечаянно к ним примкнувшую, распространялась общая волна национального гостеприимства. В огромных казанах готовили плов из целого барана, пригоняемого из личной отары, пасущейся в горах. И хозяйские жены, не таясь, блистали дорогими украшениями. По всему было видно, что на принципы равенства, братства и свободы взгляд в республике был более широкий, чем требовал Устав КПСС.

Чтобы показать Восток, сохранившийся в исторической нетленности, гостям по указанию Ш. Рашидова был предоставлен самолет, доставивший нас в Самарканд. В гиды нам был назначен ученый из историко-археологического центра Афрасиаб, и нам открылось представление о немыслимых глубинах узбекской истории, о чем говорила многометровая толща археологических напластований, лежавшая прямо под нашими ногами.

В ходе завоевательных войн Афрасиаб неоднократно разрушался до основания, но, как феникс из пепла, возрождался вновь, и реальным воплощением исторического своеобразия национальной культуры Востока предстали перед нами памятники древней архитектуры религиозно-ритуального предназначения. Прежде всего Регистан — главная площадь Самарканда в окружении трех величественных медресе, одно из которых построено по замыслу Улугбека в начале XV в. И, конечно же, Гур Эмир — усыпальница Тимура и его потомков, голубой купол которой высотой в сорок метров, кажется, упирается в небо и сливается с его лазурью. Но главное — это вытянувшаяся в целую улицу череда мавзолеев Шахи-Зинда, архитектурный декор которых изумляет такой мерой богатства и разнообразия, что рискует, кажется, перейти границы чрезмерности и избыточности. Хотя Шахи-Зинда возникла вне единого замысла, она воспринимается как стройный ансамбль, когда к одной усыпальнице, как бы соревнуясь в красоте и оригинальности оформления, присоединялась другая, в течение веков выстраиваясь в не виданную миром улицу архитектурных шедевров, приводящих на память волшебный мир восточной сказки. Здесь архитектура впитала все многообразие видов национальных искусств и ремесел, демонстрируя мастерство кирпичной кладки, изощренность орнамента и инкрустации, резьбы по дереву, мрамору, полудрагоценному камню и т. д.

Излишне говорить о моем отношении к неповторимой красоте архитектурных форм русского храма, потрясает величественность готического собора, изумляют ампир и барокко, но тогда во время пребывания в Узбекистане колдовская сила древней архитектуры восточного города, сливаясь с сиянием летнего дня, бездонностью лазурного неба, журчанием арыков, захватила без остатка. Способствовала общему эмоционально-психологическому настрою и компания московских коллег, с которыми можно было разделить свои чувства. Иногда, утомленные столько же ходьбой, сколько и впечатлениями, мы заходили в чайхану, и когда чайханщик в полосатом халате и ярко расшитой феске выносил поднос с пиалами и ставил на стол под чинарой чайник со свежезаваренным чаем, то этот дымящийся терпким ароматом горячий напиток в жаркий день казался божественным нектаром.

Узбекистан во многом предопределил мою тягу на Восток, мои планы и желание увидеть и Таджикистан, и Азербайджан, и Армению, и Грузию, но даже соседнего Казахстана увидеть не удалось: с историческими путями страны мои личные планы не совпали.

Следующая моя встреча с Узбекистаном состоялась уже в годы Перестройки. Профсоюз Института организовал групповую поездку по маршруту Ташкент–Навои, и я удачной возможности еще раз встретиться с солнечным краем обрадовалась. Но стояла глубокая осень, непогода добралась и до Узбекистана, да и люди, вошедшие в группу, хотя и были институтскими коллегами, при ближайшем рассмотрении ехали не столько за экзотическими ощущениями туманов и запахов, сколько из меркантильных целей прицениться к каракулю, прикупить сухофруктов и риса. Ташкент встретил уныло морозящим дождем, походил на большую барахолку, фонтаны не били, арыки не журчали, лица людей были озабочены. Но в Ташкенте мы не задержались, а Навои без туристических впечатлений не оставил, во многом даже компенсировав первоначальное разочарование поездкой. Город, названный именем основоположника узбекской литературы, возник на месторождении редкоземельных металлов. Чем-то он неуловимо напоминал Академгородок. Если один родился в глубине тайги, то другой вырос среди зыбучих песков, оба воздвигались по единому архитектурному плану. Навои тоже был отмечен чертами города социалистической мечты, что находило зримое отражение в его облике. У него не было окраин, в нем не было старых зданий, он весь состоял из прямых, как стрела, улиц, по сторонам которых располагались дома простой и удобной планировки, национальное своеобразие которым придавали просторные балконы с решетками, имитирующими резьбу по камню.

И хотя на улицах узбекской столицы уже беззастенчиво торжествовал лихой дух рыночной экономики, и здесь практичные хозяева в целях расширения жилплощади, безжалостно разрушая целостность городского облика, деловито остекляли разнокалиберными рамами свои балконы, казалось, что окончательно атмосфера одухотворенности большой идеей в Навои еще не выветрилась. Еще сохранялся принцип централизованного снабжения промышленно-продуктовыми товарами, шли советские фильмы, звучала «наша» музыка. Я сделала здесь, как и все другие туристы, несколько полезных покупок — ткань на шторы, настольные часы, которые исправно тикают до сих пор. Но главное, что поразило, — это книжный магазин: здесь свободно можно было купить Набокова, Булгакова, Тэффи...

«Заболела» ли я Востоком во время поездки в Японию или сама эта поездка определилась уже каким-то внутренним интересом к Востоку, но Узбекистан эту тягу к восточной культуре закрепил, и она уже из моего мироощущения

не уходила никогда. Я много путешествовала, если, конечно, туризм можно отнести к роду путешествий. Я видела Стамбул, Афины, Каир, Дели, Куала-Лумпур, Сингапур, Ханой, Сайгон и т. д., но не была в Париже! Я не видела ни Лондона, ни Берлина, ни Вены, меня никогда не тянуло в Америку.

Я не стала востоковедом. Востоковедом стала моя дочь. Лично она какой-либо внутренней связи моих духовных интересов со своей профессией не ощущает и не осознает, но независимо от субъективных факторов эта связь существует. Недавно она вернулась из поездки в Китай, в заповедные центры даосской культуры — ритуальные комплексы Уданшаня: привезла богатый фотоматериал, написала статью для востоковедческого журнала.

Возраст не дает мне поводов мечтать о поездке даже за пределы Академгородка, но приобщение к этим материалам дает что-то вроде подпитки моей неукротимой тяге к Востоку; сегодня мне и этого достаточно, чтобы как когда-то вернулась память к стихам, кочующим по моему Дневнику из десятилетия в десятилетие. Не поленюсь их переписать и на сей раз — в тексте и контексте совсем другого характера. Автор этих стихов тоже болел Востоком:

Зачем опять мне вспомнился Восток!
Зачем пустынный вспомнился песок!
Зачем опять я вспомнил караваны!
Зачем зовут неведомые страны!
Зачем я вспомнил смутный аромат
И росной розы розовый наряд!

Как слитно многокрасочен Восток!
Как грустен нескончаемый песок!
Как движутся размерно караваны!
Как манят неизведанные страны!
Как опьяняет юный аромат!
И росной розы розовый наряд!

Моей мечты подобие — Восток!
Моей тоски подобие — песок!
Моих стихов подобье — караваны!
Моих надежд — неведомые страны

Моей любви подобье — аромат
И росный розы розовый наряд.

Вот почему мне вспомнился Восток,
Вот почему мне видится песок,
Вот почему я слышу караваны,
Вот почему зовут и снятся страны.